

М. Гиппенрейтер

БЕГСТВО К СЕБЕ

ЖИЗНЬ
ПОДРОСТКА



Это история взросления
моей дочери.
О том, как укрепиться
в решимости идти
к своей мечте.

Ю. Гиппенрейтер

Мария Гиппенрейтер
Бегство к себе. Жизнь подростка (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6694730
Бегство к себе. Жизнь подростка: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-081523-4

Аннотация

Перед вами история взросления дочери знаменитого детского психолога Ю. Б. Гиппенрейтер – Марии Гиппенрейтер.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
БАЙКАЛ	6
Кордон	7
Уроки	9
Карлуша	11
«Дача»	15
Зырин	18
Браконьеры	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Гиппенрейтер

Бегство к себе. Жизнь подростка

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идти своим путем

Моя дочь Маша стала писать воспоминания о своей жизни, когда ей было почти пятьдесят лет, а я прочла их совсем недавно. К моей памяти о том, что происходило в то время, прибавились ее собственные впечатления о тех же событиях. Увидеть их ее глазами было очень интересно!

Случилось так, что Машин отец и я разошлись, когда Маше было три года. Всякий развод – потрясение для взрослых, а для детей не меньше! Но дети не виноваты, и при разводе они нуждаются в мудром поведении со стороны обоих родителей. Глубоко веря в это, я делала все, чтобы Маша продолжала любить отца и видеться с ним. Она проводила с ним столько времени, сколько он мог. От их контакта произошло много замечательных вещей, о которых она пишет¹. Главное, ей передались от него любовь к природе, чувство ее красоты и тяга к свободной «естественной» жизни.

С самого раннего детства Маша «сходила с ума» по всему живому – лесу, белкам, лягушкам, собакам, кошкам и лошадям. Однажды я услышала от нее мольбу: «Ну заведи ты мне хоть кого-нибудь, хоть птичку, хоть рыбку, хоть какое-нибудь живое существо!» Откладывать дальше было невозможно. Так у нас появился щенок-спаниель Тимка. Потом еще были и птички, и рыбки, и ежики, и даже белая крыса; все это бегало и летало по квартире, за исключением, конечно, рыбок.

Подрастая, моя дочь все время жаловалась на «эту противную городскую жизнь». Несколько спасали походы в лес с папой, путешествия на байдарках, поездки в горы, но все-таки это было «не то» – опять приходилось возвращаться в город и идти в школу!

Тем не менее помощь, которая приходила от возможностей «городской жизни», и главное – от окружающих людей, «в лесу» она бы никогда не нашла: Дарвиновский музей, и при нем – кружок юных орнитологов, биологическая школа, зверинец К. Э. Фабри, и по другой линии – секции батута, самбо, горные лыжи. Все это ее развивало и укрепляло. Мой муж Алеша (Машин отчим) разделил заботу о Маше-подростке, много с ней беседовал «по душам», не раз приходил на помощь, когда она особенно нуждалась в эмоциональной поддержке.

Подошел конец Машиней школы. Это был момент «освобождения». Неожиданно мы услышали:

«Учиться дальше никуда не пойду, хочу уехать!»

«Уехать куда?!»

«На Байкал! Поймите меня, я всю жизнь о нем мечтаю!!!»

Положение было трудным. Во мне глубоко сидело убеждение, что после школы надо идти в вуз. Оставаться без высшего образования никак нельзя! Так думали мои родители, так думала и я, да и все люди вокруг. С другой стороны, голос дочери звучал так категорично, что стало ясно: убедить или уговорить ее невозможно. Было и еще одно чувство – не хотелось давить на нее, ее ломать. Очень помогли в тот момент слова Алеши: «А почему, собственно, все должны иметь высшее образование? Есть много людей, *вполне достойно* живущих и

¹ Сейчас, когда отцу Маши, известному фотохудожнику В. Е. Гиппенрейтеру исполнилось девяносто шесть лет, она стала его главной опорой в жизни, соавтором и популяризатором его наследия.

без него». Подействовало слово «достойно». И я подумала: сильное стремление Маши идти своим путем, преодолевать трудности – разве это не шаг к достойной жизни? И захотелось ее поддержать. Несмотря на беспокойство и всякие переживания, мы согласились ее отпустить.

Машина поездка «на Байкал» – жизнь в глуши на берегу озера и работа в заповеднике – породила много историй. Хотя о тех событиях мы узнавали из ее писем, теперь, читая обо всем сразу, мы заново окунулись в замечательный, особый мир, в котором она оказалась. Пришлось также снова попереживать трудные, а иногда и опасные жизненные обстоятельства, на которые, можно сказать, эта «городская девочка» сама напросилась. Зато порадовали ее успехи и способность выживать.

Теперь, глядя назад, я понимаю, что отъезд из дома в семнадцать лет и погружение в непростую жизнь на Байкале не только принесли Маше яркие новые впечатления. Это был *переломный момент* в ее становлении как сильной независимой личности. Она испытала себя, поверила в свои силы и укрепилась в решимости всегда пробиваться к своим мечтам. В результате случился еще не один «крутой поворот» в ее жизни. Об этом – другие ее рассказы.

А я убедилась: все-таки к детям надо иногда прислушиваться – *и в них верить!*

И еще приходит на ум одно мудрое изречение: «Чтобы вырастить одного доброго человека, нужны усилия целой деревни!». В рассказах Маши заметны «усилия деревни», которая ее «растила». Видно, сколько бесценной помощи она получила от многих людей – близких и не очень, бабушек и дедушек, друзей, родных, просто знакомых, учителей, биологов, влюбленных в свою профессию, лесников, сторожей и рабочих леса. Сознывая силу человека, я хочу низко поклониться всем людям, которые дарят эту силу.

Добавлю еще: хорошо жить так, чтобы было что вспомнить! Желаю этого всем, а особенно юным читателям. И не забудьте потом написать воспоминания – для себя, своих родителей, детей и внуков.

Ю. Б. Гиппенрейтер

Мне повезло. С раннего возраста я знала, кем хочу быть и что хочу делать в жизни. Во втором классе нам задали на дом написать сочинение «Кем я хочу быть». Я написала, что хочу быть зоологом, жить в лесу в избушке с дикими зверями и изучать их поведение. На обложку сочинения я наклеила большого полосатого тигра. Мне поставили пятерку.

С годами эта идея росла и крепла, и судьба заносила меня в неведомые края и ставила в трудные, невероятные и иногда смешные ситуации, с которыми надо было справляться. Со стороны могло казаться, что носит меня по жизненному океану, как кораблик без паруса. Но сейчас, глядя назад на свою жизнь, я вижу ту силу, которая всегда подталкивала и вела меня. Не важно, как она называлась – рука Бога, мое высшее «Я» или ангел-хранитель, но она была. Все жизненные ситуации и люди, с которыми я сталкивалась, всегда имели свою задачу: преподать мне урок и научить чему-нибудь, раскрыть и реализовать мои способности или вернуть меня «на путь истинный», если я от него отклонялась.

БАЙКАЛ

Закончив школу, я почувствовала необыкновенную свободу. Теперь я смогу наконец осуществить свою мечту – уехать из Москвы куда-нибудь далеко и жить в лесу в избушке.

Еще я сказала себе и всем, что никогда больше не сяду за учебники. С меня хватило школы.

Весной, еще до окончания учебного года, по совету одного знакомого я написала письмо в Баргузинский заповедник на Байкале. В письме рассказала немножко о себе: что я только что закончила школу и хочу приехать в заповедник. Не найдется ли для меня какая-нибудь работа? Согласна на любую. В конце мая я, к великой радости, получила ответ (видимо, сработала фамилия – фотоочерки отца о природе печатались во многих изданиях и были хорошо известны). В письме говорилось, что есть ставки пожарного сторожа и лесника-радиста, и что нужно привезти с собой только самое необходимое. Я попросила у родителей денег на билет в одну сторону, сказав, что на обратную дорогу сама заработаю, собрала рюкзак и отправилась в путь – мой первый дальний самостоятельный путь.

Добираться до заповедника нужно было на трех самолетах – на большом до Иркутска, на среднем – до Улан-Удэ и дальше на небольшом самолете – до заповедного поселка Давша. В Улан-Удэ билетов не оказалось. Город выглядел пустынным и каким-то вымершим, по улицам ветер гонял пыль и мусор. Остановиться мне было негде. Я пошла в аэропорт и попросилась на самолет без билета. Молодые бортпроводники – парень и девушка, усадили меня в своем закутке на пол на рюкзаке и сказали сидеть тихо. Так в начале июня я попала в заповедник. Мне было семнадцать лет.

Кордон

В поселке меня поселили в комнате для гостей и дали несколько дней на привыкание и осмотр окрестностей. Давша состояла из пары десятков домиков, в которых жили научные сотрудники и местные жители. Дорог ни туда, ни оттуда не было. С одной стороны поселок окружен озером, с остальных – горами. Сообщение было возможным только по воде или по воздуху.

Через несколько дней меня вызвал к себе старший лесничий и сказал, что может предложить мне два рабочих варианта. Он указал на высокую гору над поселком и сказал:

– Видишь вон ту гору, а на ней пожарную вышку? Так вот, там под вышкой стоит палатка, в которой можно жить. Нужно каждый день лазить на вышку и обзирать окрестности, нет ли где лесного пожара. До недавнего времени в палатке жил парень, который оттуда сбежал, так как в его отсутствие пришел медведь, порвал палатку, разбросал вещи, расплющил все его консервы и сожрал сгущенку. Парень отказывается идти обратно. Второй вариант – в семнадцати километрах отсюда на берегу озера есть кордон «Северный». Там нужен лесник-радиот.

Обдумав оба варианта, я выбрала кордон, представив, как придется таскать на себе воду на эту гору с вышкой. Медведь почему-то меня не смутил.

На следующий день меня погрузили в моторную лодку с несколькими банками тушенки, мешком муки и мешком картошки и отвезли на кордон. Кордон состоял из двух домов. Тот, который поменьше, был заколочен и выглядел недостроенным. Во втором доме было три комнаты и две печки – одна с плитой для готовки, другая – русская. В одной комнате жил молодой паренек лет двадцати шести. Он работал лесником и часто уходил в обходы на несколько дней. Другая комната была завалена всяким его барахлом и хозяйственным скарбом, третья комната предназначалась для меня. Электричества не было. Туалета тоже не было, даже на улице. Вода – в озере. Зато были две лодки – одна деревянная весельная, другая моторная плоскодонка «Обь». Еще были две добродушные дворняжки, которые обрадовались новому поселенцу и радостно вокруг меня скакали.



Лесника звали Владик. Ростом он был мне по плечо, очень веселый, все время отпускал шуточки, балагурил, пел песенки и что-нибудь мне рассказывал. Мы с ним быстро подружились, и он стал опекать меня, как младшую сестру. Работа моя заключалась в том, чтобы следить за полосой воды шириной в три километра, чтобы туда не заходили никакие плаву-

чие средства, так как воды эти принадлежали заповеднику. Выдали мне форму – китель и фуражку, переносную допотопную рацию «Недра П», и еще у нас была двустволка, на всякий случай. По рации я должна была выходить на связь с центральным поселком четыре раза в день и сообщать, не было ли нарушений.

– Нерпа, Нерпа, я Сокол, как слышите, прием!

Слышно было плохо. В трубке все трещало и хрипело, иногда комариным писком пробивался человеческий голос. На другом конце сидела радистка Нина, с которой мы быстро обменивались положенной информацией, и иногда очень коротко она сообщала мне какие-нибудь новости, так как болтать о пустяках по рации не разрешалось, да и докричаться друг до друга не всегда удавалось. (Через месяц мне привезли новую стационарную рацию с кучей кнопочек, рычажков и лампочек, по ней все было хорошо слышно, и мои мучения кончились.) В остальное время я была предоставлена самой себе, озеру, лесу и хозяйству. Зарплату мне определили в семьдесят рублей.